

ИММИГРАНТ

А. МЕММИ

Писатель (Тунис)

Существует некоторая дистанция между иммигрантами и их детьми, рожденными или выросшими на Западе. У детей нет той памяти о родине, что есть у родителей, у них разное понимание будущего, да и вообще они принадлежат разным мирам.

ДЕТИ ИММИГРАНТОВ

Для их детей не идет речи о «возвращении» вообще, потому что они ниоткуда не уезжали. И даже если им случается поехать на родину родителей на каникулы, то они там ничего «не обретают вновь», ничего и никого «не узнают». Это, скорее, путешествие, в котором они делают для себя некоторые открытия, порой удручающие. Отдых (или каникулы, или отпуск), проведенный «за границей» - это, скорее, практика, заимствованная иммигрантом у европейцев, французов. Но с той разницей, что иммигрант обязательно поедет в «свою» страну, тогда как его дети охотнее предпочли бы поехать посмотреть Германию или Италию, куда сыновья иногда и «смываются» со своими девушками по праздникам.

Иммигрант живет как бы необходимостью двойной принадлежности, двойному подделанию - и своему Востоку, и Западу, где находится. Он все время в поисках гармонии. А сын его уже утверждает (конечно, поразному, в зависимости от настроения и обстоятельства): «Я - француз!» «Я - отсюда». Или, если протестует: «Я - из алжирцев, марокканцев, тунисцев». Но это случается реже, когда его провоцируют, или если он хочет бросить вызов другим.

Порой иммигранты просто их не понимают, хотя эти молодые люди - поколение, рожденное от них. У иммигранта была цель, и она так или иначе достигнута: он надеялся избежать нищеты, интегрироваться по возможности туда, куда приехал, смешаться с остальными по возможности, сохраняя при этом свою религию и какие-то традиции, чтобы уж совсем не утратить свою личность... Он даже мечтает (или уже купил) о машине; дети его ходят в школу вместе с другими, и даже если они не так усидчивы и внимательны на уроках, как французы (конечно, это огорчает родителей!), то все равно, они - в школе, а это уже путь к продвижению вперед. Да и жена его уже попривыкла к местной жизни, знает, что и где купить подешевле... Если бы иммигрант мог, он хотел бы оставаться здесь незаметным. А его дети плюют на все это, не ценят всех этих жизненных благ и приобретений, все подвергают сомнению, шумят, скандалят, что-то вечно требуют и достаточно агрессивны...

А что уже говорить о девушках, дочерях иммигран-

тов! Родители не понимают даже, зачем им понадобился этот мусульманский платок, который, совсем наоборот, только лишь привлекает к себе внимание мужчин! А если родители попросят о соблюдении традиций, то дочери решительно отказывают им в этом! Так или иначе, но они стремятся ускользнуть от власти отцов, от родительской опеки. Они возмущают родителей своим чрезмерным макияжем, короткими юбками, которые просто неприличны для мусульманок... Более того, они позволяют себе дружить с юношами без спросу у родителей; но к чему это может привести? Кто знает, что теперь в голове у этих современных юнцов, которые думают, что всё дозволено?! И самое неприятное и даже просто недопустимое, с точки зрения родителей, соблюдающих религиозные установления, когда их дочь «крутит любовь» с немусульманином.

Это взаимное непонимание между поколениями ведет постепенно к антагонизму, к открытой враждебности. И сын не боится полиции, как боялся его отец и продолжает бояться, сохраняя инстинкт иммигранта. А сын может ее провоцировать, может даже бросить камень, зная, что он - «в демократической стране», и особо ничем не рискует. Сын часто становится настоящим хулиганом, даже преступником, уголовником. Продавцом наркотиков («мягких» типа гашиша, или «крепких», настоящих, как кокаин или героин), Практикует порой и рэкет, особенно отвратительный, когда речь идет о вымогательстве среди одноклассников. И он не одинок: преступность здесь не экзотическая «специальность», она свойственна всем обездоленным, нищим, безработным... Хотя именно среди детей иммигрантов она наиболее распространена...

Сын иммигранта - преимущественно человек бунтующий. Его бунт - за отца, за себя, за себе подобных. Он, правда, не знает, что делать со своим возмущением, но точно не хочет уподобляться таким, как его отец, чей заработок просто жалок, в сравнении с теми потребностями, которые испытывает семья. Да и с теми финансовыми возможностями, которые предоставляет торговля наркотиками, например. И если отец вдруг станет безработным, то сын как-то справится с заботами о том, как прокормить семью, а отец станет попросту лишним ртом...

ОТ ИСКЛЮЧЕНИЯ К ПРЕСТУПНОСТИ

Отказавшись от идентификации с родителями, полагая, что отброшен и не принят большинством общества, сын иммигранта выбирает для себя путь собственного существования, предоставленный самому себе. Примером ему будут служить оппозиционеры и маргиналы. Особенно из тех, кто находится в так называемой субкультуре Америки, в основном среди афроамериканцев. И это тоже парадоксально: он будет за-

Окончание. Начало см.: Азия и Африка сегодня. 2016, № 7, 8.

имствовать у ненавистной Америки свой путь с помощью ее собственных посредников из среды ее же противников.

И вот сын иммигранта, живущий во Франции, создает для себя свой собственный портрет, даже физический: это портрет-робот, можно сказать, узнаваемый сразу. Летом - футболка, зимой - кожаная куртка, купленная по дешевке на барахолке, широкие штаны типа «мешок», которые заставляют его и в самом деле походить на какую-то огромную болтающуюся пустую сумку, отвислую на коленях. Что-то подобное носят сегодня мусульманские мужчины в Чаде.

Сыну иммигранта невдомек, что в Америку эта мода пришла из Африки (штаны типа «вад»), поскольку афроамериканцы ищут вдохновение теперь именно там, считая, что «белые» угнетают «черных». В прошлом - рабы белых американцев, теперь афроамериканцы ищут «свои корни» там, где когда-то не были угнетеными... С такими же смутными доводами и иммигранты выбривают себе голову, оставляя волосы на макушке в виде петушиного гребешка, вроде бы подражая латиноамериканцам, которые были завоеваны испанцами... Прическа из множества косичек добралась до Франции тоже из Америки, которая заимствовала ее в Африке. Но это там - исключительно женская прическа, а здесь во Франции, ее используют молодые магрибинцы; то же самое с «пёрсингом» и с татуировкой, которая буквально покрыла и разукрасила всю иммигрантскую молодежь.

Арабо-мусульманские мужчины и симпатизирующие европейцы носят на шее «палестинский платок» - черно-белый или бело-красный, в полоску, как на Ближнем Востоке. На голове - американская бейсболка. Правда, у многих козырек повернут на затылок - знак того, что «мы - не совсем американцы»...

В манере поведения иммигрантов есть что-то разболтанное, у них какая-то особая матросская походка враскачку, какое-то нахрапистое движение всем телом, как когда-то у борцов на ярмарочных представлениях; они словно упорно хотят показать свое значительное физическое присутствие, подчеркнуть его, выделить себя из массы, доказать, что они - сила, что их надо бояться...

Возможно, поэтому сын иммигранта никогда не выйдет на улицу один - они всегда ходят группой, как и многие другие юноши, - это помогает им избежать одиночества в толпе, укрепить свои силы присутствием сотоварищей. Так, ты уже не «индивид» какой-то, а «клан», член этого «клана», сомнительного, даже опасного. Это одновременно и провокация «чужого», и самоутверждение себя, победа над остальными. Это особого рода реванш иммигрантов, которые так мстят за то, что в руках их отцов были только метлы да лопаты дворников. А вот теперь эти парни в широких штанах, в кожаных куртках и с петушиными гребнями на голове могут одним своим видом и своей походкой спокойно «сдвинуть» с места всех прохожих на тротуаре, которые когда-то подметали их отцы, и заставить их идти по обочине шоссе...

...Они громко разговаривают, орут по-арабски что-то, если умеют. Они никогда не уступят никому места, не дадут пройти вперед, даже пожилым людям, старушкам. Те будут просто жаться к стенам домов... Стариками, с их точки зрения, - все враги, мешающие им торжествовать в этой жизни... Они идут на красный свет на

переходах, заставляя всех замедлить движение. В метро они перепрыгивают через турникеты, входят без билетов, и это еще одно дополнительное удовольствие - показать свою ловкость. Они расписывают окна вагонов мелом, краской, оставляя свои знаки и подписи... Думают, что законы для них не писаны, а если писаны, то против них, и их не стоит уважать...

У них свои собственные ритуалы и обычаи, которые, в целом, - манифестации их протеста и провокаций. Ну, и конечно, агрессии. Даже их танцы и музыка имеют эту окраску. Хип-хоп, рэп, тэг - все это, привнесенное Америкой, имеет у них свое символическое значение. Хип-хоп, ведь, только наполовину танец, но еще и акробатика, когда танцоры вертятся на полу юлой, стоя на голове. Кто осмелится такого сдвинуть с его места? А рэп? Это же обычная синкопированная речь, почти без музыкального сопровождения, возможно, и восходящая к каким-то гриотским, африканским корням, но ставшая заменителем агрессии из устных ругательств в адрес «насильников» из правящего большинства... Тэг - еще один шаг вперед на пути их мести обществу: рисуя на стенах домов, железных шторах магазинов свои граффити и просто неприличные гадости, расписывая таким же образом и чьи-то автомобили, они полагают, что совершают свое вторжение в мир правящего большинства, который вынужден обращать внимание на такого рода послания детей иммигрантов...

Еще для них важно срывать дощечки с названием улиц или их замазывать, мочиться в лифтах, резать бритвой обивку сидений в метро или автобусах. Еще чуть-чуть, и снова поджоги машин, обычно по двадцать за ночь, как это уже бывало и раньше... А в новогоднюю ночь - до трехсот по всей Франции...

Пока еще нет покушений*, но уже намечилась градация преступности. Матерные ругательства в адрес французов - это не только свидетельство унижения «других», но и моральное падение мусульман, сумевших переступить порог запретного, упоминая слова «мать» или «сестра» в контексте грубой сексуальности, пороча, таким образом, и свое, и их достоинство. Когда свистят на стадионах Франции в минуту исполнения национального гимна, то освистывают не «Марсельезу», но всю нацию в целом, все общество, в котором живут и иммигранты. И если выходят на демонстрацию с лозунгами: «Мы все - Бен Ладен!» или «Мы все - Саддам!», подчеркивая этим свою принадлежность к арабскому миру, то это, прежде всего арабы, находящиеся в конфликте с Западом, угрожающие ему... Неосторожно и то, когда они скандируют: «Нас шесть миллионов! Через 20 лет нас будет 10 миллионов! Вот тогда и посмотрим, кто кого!»...

Все это подтверждает только то, что если чувство маргинальности и исключенности порождает все новые и новые провокации и все возрастающую преступность, то надо искать какой-то разумный выход. Тюрьмы и так уж полны молодыми уголовниками, наркоторговцами, ворами в супермаркетах, грабителями, вырывающими сумки из рук прохожих, насильниками, зачинщиками страшных драк и потасовок, сутенерами...

* Книга писалась до событий с расстрелом редакции сатирического журнала и еврейского магазина в начале 2015 г. в Париже и до совершенных 13 ноября 2015 г. там же многочисленных терактов (прим. пер.).

Но это всего лишь малая часть того, чем реально кишит общество...

Возможно, что западные правительства не хотят крайних и резких мер... Но стоит ли тогда удивляться, что дети иммигрантов, просто настоящий «питомник» для тех, кто рекрутирует в свои ряды террористов-смертников? Чувство злобы и мести - несомненно, питательная среда для терроризма.

ИНТЕГРАЦИЯ ПОД ВОПРОСОМ

И тем не менее, несмотря ни на что, самым разумным, когда живешь в среде иностранной, была бы интеграция в большинство общества, и интеграция, насколько возможно, быстрая... Но ни люди, ни история не настолько разумны. Ассимиляция, чтобы она была успешной, должна быть желанна для самих меньшинств. И чтобы большинство нации с этим было согласны. Однако в этом не уверены ни иммигранты, ни коренные жители европейских стран. Все сомневаются. Колонизатор имел шанс принадлежать к мощной державе, которая угнетала других. Он был защищен полицией и армией, которые, если надо, прибегали к репрессиям... Теперь экс-колонизатор не понимает своего бывшего противника, ставшего ему согражданинами.

Раньше все было ясно. Тот требовал независимости и добился ее. А теперь что он хочет? А главное, зачем и почему он не остался в своей независимой стране, перебрался в эту свою экс-метрополию, которую он так ненавидел, от власти которой хотел избавиться любой ценой? И почему, провозглашая себя и сейчас несчастным, не возвращается домой, в свою, ставшую давно свободной, страну?

Да, долгое сосуществование колонизаторов и колонизованных на одной земле породило особые между ними связи - экономические, культурные, лингвистические, даже иногда семейные. После обретения независимости возникли экономические трудности, которые были последствиями колониализма, как и политические, которые свойственны «молодым» нациям. Так, по крайней мере, утверждает иммигрант. Ну, пусть так, - соглашается француз, но почему тогда не ассимилироваться, не стать полноценным гражданином Республики, а продолжать настаивать на своей «особости», «чуждости», «разности» и т.п., т.е. оставаться иностранцем.

В колониальную эпоху, когда каждый жил на «своей» стороне, барьер был очевидный. И если раньше, жившие по разные стороны этого барьера, были «чужими», то сегодня совместная жизнь на одной территории предполагает наиболее тесные взаимоотношения и знакомства. Однако француз не уверен, что это возможно. И даже не уверен в том, что этого особенно хочет. Ведь каждый «чужак», иностранец, иммигрант рассматривается как потенциальный преступник. В лучшем случае, он живет с двойной привязанностью - к своей стране и принимающей его. И если случится какой-нибудь кризис во взаимоотношениях обеих стран, неизвестно, каким образом иммигрант будет реагировать, какую из них предаст. А пока сомнения не иссякли, лучше всего присматривать за ним в оба...

Европа не в первый раз открывает двери иностранцам, но только лишь затем, чтобы их ассимилировать. Но этого нужно не только хотеть, но и мочь. На этот раз

Европа не уверена ни в своем желании, ни в своих возможностях... Перед «мусульманской опасностью» часть нации чувствует себя обезоруженной. Французы, да и другие европейцы, теперь не очень уверены в том, что смогут «переварить» мусульманских иммигрантов, как раньше «переваривали» польских шахтеров, итальянских каменщиков или португальских рабочих...

Надо также, чтобы Франция верила, как и прежде, в ценности своей культуры, ее величие, ее превосходство. А это сегодня - все весьма сомнительно... Когда-то школьников (и в метрополии, и в колониях) уверяли, что их предки - галлы. Республику это или забавляло, или раздражало, но, тем не менее, большинство так и считало... Теперь это невозможно. Теперь преподавание истории и лекции по языку, культуре и цивилизации страны надо читать с учетом «коллективной личности» иммигрантов. Отсюда - слабость культурной политики экс-метрополии... В этом не признаются открыто, но очевидно то, что французы полагают, что иммигранты - не ассимилируемы... А значит, всегда остается отказ одних и сопротивление других.

Европейским иммигрантам проще. Они просто меняют фамилию на французский манер, оставшись при этом христианами. Мусульманские иммигранты останутся мусульманами на всю жизнь и будут продолжать называть себя Мохаммедами и Али. И останутся, таким образом, и по видимости, и по сущности своей отличными от других, отделенными от них барьером своей этноконфессиональной принадлежности. Ислам ведь не только религия, это еще и культура, и цивилизация, которая пронизывает иммигрантский социум, соседствует с французскими и влияет на политику.

Французы не все ходят в церковь, но Франция - одна из древнейших христианских стран. Ислам - религия еще молодая, а значит - более требовательная. И если французы, даже верующие, освободились от тотального подчинения церкви, то идеология мусульман иная, и их религия неразрывна со всей их жизнью. Одновременно существуют и их Пророк, и их исламское законодательство. Кодекс гражданский и религиозная догма соединены в одно целое. А в Республике ее светские законы противоречат законам ее религии. Как быть с безусловностью религиозной принадлежности мусульманских иммигрантов? Любое отклонение от исламской догмы для них - измена, предательство, а это порождает чувство глубокой вины. И соблюдая некую дистанцию от религии в процессе ассимиляции, иммигрант ощущает, что отдаляется от своих собратьев, своего мира...

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ

Куда же мы движемся? Я говорю «мы», имея в виду всех обитателей планеты, потому что это касается нас всех: и бывших угнетателей, и бывших угнетенных. И, конечно, для деколонизованных, можно сказать, это большая победа: они привлекли к себе внимание всего мира.

До сих пор отношения между народами строились в основном вокруг бесконечных сражений соперничающих банд, одетых в разные униформы, взывающих к разным богам за помощью и за оправданием своих грабежей. Все нормы морали и религий, обращения к правам и законам были всего лишь попытками приглушить творящиеся на земле варварство и дикость... Де-

сять заповедей, Суд Господень, права Человека, статут военнопленных были лишь этапами этих усилий. Но еще в XVIII в. водились морские пираты, похищавшие с кораблей людей, бравшие их в заложники; и французские, и английские корсары были не менее жестокими, чем другие. В Африке и Азии наших дней все это продолжается до сих пор, и рабство там еще не исчезло. Европа совсем недавно отказалась от колоний, которые были всего лишь коллективной формой рабства. Известно, что колонизаторы, не раздумывая, сжигали целые города, которые им сопротивлялись; но и Вторая мировая война, последняя из самых крупных, была не менее жестокой.

Мы внезапно для себя открыли, что отныне все живут, завися друг от друга. Это неслыханная ранее зависимость. Раньше нужна была добыча, и люди шли воевать. Мореплавание и караваны обеспечивали долгое время обмен какими-то редкими товарами, пряностями или драгоценными металлами... Но время изменилось стремительно, появились такого рода коммуникации, конкуренция, что в мировом масштабе уже просто развилась всеобщая взаимозависимость. Приходится контролировать глобализацию, следить за тем, чтобы она не нанесла вреда более слабым, но при этом никто не хочет вернуть прошлое.

Антиглобализм - это обман, иллюзия. И жители Запада первыми обратили внимание на то, что они никогда не смогут жить спокойно, если большинство планеты будет прозябать в нищете и зависти. И именно по причине всеобщего прогресса Запад стал процветать и жить в изобилии... Вспышки насилия только подчеркнули необходимость человеческой солидарности и взаимозависимости людей на планете: трагедия 11 сентября 2001 г. была «электрошоком»: «хозяева земли» открыли для себя, что не могут в одиночку контролировать собственную безопасность.

Прошли те времена, когда угнетатели могли делить мир и жить в нем по своим законам в своих интересах. Смогут ли они теперь прожить самодостаточно хоть один день? Слишком уж стали велики их экономические, политические и другие интересы во всем мире, их зависимость от тех стран, куда они вкладывали свои капиталы. И со своей стороны, бывшие угнетенные народы должны признать, что не сумеют справиться со своим развитием без связи с западным миром. Иначе вернется средневековье, если они откажутся от науки, техники, медицины Запада. Дело только за тем, как лучше организовать эту взаимозависимость. Она уже необратима. Но как сделать мир более спокойным, более уверенным в себе, менее опасным?

АПАТИЯ ЕВРОПЫ

Вот уже многие десятилетия люди говорят о закате Запада, в том числе и Америки. Незаметно, чтобы Запад чувствовал себя при смерти. Все-таки именно к Западу текут потоки эмигрантов, а не наоборот. И экономическое процветание свойственно Западу, а не наоборот, разве что за редким исключением. Даже если взлеты и падения часто соседствуют...

Сегодня Европа, как уже пожилой государь, чувствует в себе некоторую апатию, что не является еще показателем серьезной болезни. Но она подкрадывается, идет издалека. И несмотря на многие свои поразительные достижения, несмотря ни на какие свои побе-

ды, Европа себя только саморазрушала (чего стоили для ее «здоровья» наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые войны - они просто обескровили континент...). Понадобилась помощь Америки, план Маршалла, чтобы спасти ее экономику...

Демографическая катастрофа просто преследует Европу, и она все более угрожающа. Возможно, это знак естественного «заката»... Конечно, есть и менее мистическая причина: женщины теперь больше работают, у них много прав, они социально активны, и их не заботит особо рост семьи и рождаемости. Потому что работать и растить в то же самое время, воспитывать своих детей трудно, а общество не позаботилось о том, чтобы материально обеспечить неработающих матерей. И многие женщины предпочитают зарабатывать себе на жизнь, чем рожать. Результат налицо: о росте рождаемости надо забыть... И нация стареет. Отсюда и проблемы. Кто обеспечит пенсии старикам, расходы на лекарства, на сохранение здоровья, кто вообще им поможет в их элементарных заботах в старости? Молодежь нынешняя об этом не думает, да и не очень охотно идет на такого рода услуги... Вся надежда на иммигрантов... Промышленности иммигранты нужны тоже, везде не хватает рабочих рук, подсобных рабочих и пр. Но политики ведут себя двусмысленно, боятся неприятности на выборах...

Проблема же иммиграции гораздо проще: богатые и старые страны просто нуждаются в росте населения. А бедные - в экспорте части своей молодежи, не только потому, что царит безработица, но и возможные в связи с этим социальные волнения. Как же уладить эту двойную потребность «богатых» и «бедных» стран?

Иммиграция могла бы помочь в решении проблемы некоего цивилизационного смешения. Может быть, человечество уже и вступило в новую эру всеобщего смешения. И даже можно подумать, что Запад уже принял эту идею, хотя еще не видит социальных, политических и культурных последствий, способных решительно изменить облик европейских государств... Возможно, «метисация» с иммигрантами была бы более безболезненной, если бы у Запада была своя, более сильная идеология или система ценностей. Но и христианство, и марксизм - две основные идеологические системы, которые волновали умы европейцев, сегодня уже почти мертвы.

Христианство стало для большинства верующих только неким ритуалом..., хотя римские папы все еще продолжают взывать к «евангелизации» мира, где в огромном количестве стран ислам уже затормозил продвижение христианства... Что же касается марксизма, то все его обещания экономического процветания и «освобождения умов» показали лишь примеры обнищания многих стран, тоталитарных режимов, концентрационных лагерей... Да и вряд ли сегодня марксизм верит в свое светлое будущее.

Экс-пролетарии больше не хотят и не верят коммунистическим обещаниям... Сегодня бывшие «революционеры» уже не хотят быть голодными, хотят достойной жизни, квартиру, бесплатную медицину, и даже домик в деревне...

...Исламские интегралы воспользовались ситуацией. Они решили заполнить вакуум идеологий. Европа больше не защищает свои духовные ценности, даже не борется активно за них. Европа сегодня не может предложить ни одного эффективного решения

своих проблем. И перед лицом Ислама, еще пока уверенного в себе и в своих духовных ценностях, по причине своей относительной пока молодости, Европа уступает в способности предоставить людям спасительные маяки. Она хитрит, поджидая, что где-то когда-то истощатся нефтяные скважины, что где-то, когда-то найдутся способы замещения необходимых ей энергоносителей... Но и она не уверена в том, что это все способно успокоить притязания третьего мира и яростную мстительность исламских экстремистов.

Шансы деколонизованных покоятся в основном на слабостях экс-колонизаторов. И пока еще необходимо, чтобы те как-то еще играли, пытаясь выиграть свою партию...

НА ЧТО НАДЕЕТСЯ ДЕКОЛОНИЗОВАННЫЙ

...Третий мир живет еще в ужасающей бедности, подвержен коррупции и деспотизму, откуда проистекают культурная отсталость, унижение и озлобление, что неизбежно провоцирует насилие... Однако есть немало и привлекательного в бывших зависимых странах: огромные богатства, скрытые в недрах на огромных территориях, огромное народонаселение, которое позволяет себе восполнять дефицит его на Западе, ну, и дипломатическое и военное присутствие на мировой арене, ни кем теперь не контролируемое.

Демография - неконтролируемая, а потому позволяющая давить на Запад, приносит и немало трудностей, все более и более увеличивающихся в самих слаборазвитых странах. Международные инстанции, которые могли бы сформулировать настоящее всеобщее, интернациональное право, ничего не могут сделать там, где абсолютно не прислушиваются к их голосу, не считаются с международными интересами, погрязли во внутренних конфликтах, образуют свои, сомнительного свойства союзы и военные группировки.

Бедность все еще продолжает захлестывать многие страны. Да и те, кто когда-то следовал по пути экономического либерализма, стали еще беднее... Третий мир оказался безоружным перед обретенной свободой, которой обычно манипулируют захватившие богатство и власть... И стоит ли удивляться, что даже в тех государствах, где пытались осуществить коммунистическую модель развития и где новые структуры соревновались с традиционными, поддерживаемыми местными феодалами, в выигрыше оказались последние?

Не стоит и удивляться тому, что деколонизованные не пошли по европейскому, западному пути, не следовали его образцам. Для них Европа, несмотря ни на что, оставалась страной, прежде всего, христианской. А марксизм предлагал нечто вроде некоей новой религии... Пусть догматической и эксклюзивной, но внушавшей и какие-то мифические надежды...

Но тогда же поняли, что, если выбирать между религиями, почему бы не обратиться к своей, исконной?.. У «Братьев-мусульман» только один лозунг: «Все - в Коране!» Но не все же могло быть предвидено и предначертано в тексте, составленном несколько столетий назад, даже если и написаны к нему комментарии... (Это же относится и к Евангелию, и к Торе.)

Что значит «подчиняться только Закону Божьему»? Ведь не все же священнослужители - эксперты в современных проблемах... Но человеческие законы - хрупкие и изменчивые, - возражают нам, - а божест-

венный разум - неизменен. Это приводит к экономической катастрофе, если возврат к ценностям прошлого, к традиционализму - важнее, чем нахождение путей современного развития...

Возврат к «изначальному Исламу» - это уход от внешнего мира, это тоталитарное погружение в свой собственный, враждебно настроенный ко всему остальному человечеству... Он хочет освободить весь мир от «ереси», ибо «все» сказано уже в Коране. Все остальное только заслуживает насилия и кары...

К ДРУГОМУ МИРУ

Но можем ли мы, несмотря ни на что, надеяться на то, что будем жить лучше все вместе? Но какой ценой?

... Конечно, дело не только в бедности одних стран и богатстве других. Национальные притязания играют не меньшую роль... И не только в том, что Запад обвиняют в чрезмерности потребления... Оно тоже вызывает озлобление и зависть. И нужно какое-то универсальное регулирование проблем... Ничто не может заменить решимость самих народов взять судьбу в свои руки... Международная помощь - это скрытое попрошайничество, и оно никогда не заставит исчезнуть нищету. Только культивирует безответственность...

...Если бы все люди на земле были рассудительны, то увидели бы, что главное - найти, что сближает народы, а не разъединяет... И в этом плане надо покончить с религиозной «смутой», которая путает религию с культурой, смешивает ислам с культурными традициями...

...Надо всем убедиться в том, что только всеобщая человеческая солидарность всесильна. И к этому нужно стремиться. Солидарность - это не философский или этический концепт, - это практическая необходимость, без которой мы будем жить в вечном смятении... Но чтобы приблизиться к этой утопии, надо, чтобы Запад признал, что арабы - уже и часть его мира. И надо не формировать арабо-мусульманские или немусульманские блоки и противостоять друг другу, но создавать коалиции свободомыслящих людей против догматизма и фанатизма...

Конечно, наверное, во всех этих моих надеждах есть наивность: невозможно сразу погасить ни озлобленность и ненависть одних, ни жадность обогащения других... Человек, как и всякое плотоядное животное, ревниво защищает свой кусок мяса. Но деколонизованным необходимо помнить, что нельзя вечно вспоминать о своей угнетенности в прошлом, особенно, если они живут не у себя в стране, а в чужой. А другим надо знать, что они не смогут вечно сдерживать волнения униженных и голодных... Может быть, История все уладит, и надо только понадеяться на Время, подождать? И все потом пойдет к лучшему? Но если все-таки как-то еще можно приложить совместные усилия и воздействовать на свое настоящее, на свою общую судьбу, то надо попробовать самим изменить мир так, чтобы каждому в нем было свое достойное место. Было бы непростительно, если бы мы не воспользовались этим шансом.

Париж, 2003-2004 гг.

*Перевод с французского С.В. ПРОЖОГИНОЙ, д.ф.н.
Институт востоковедения РАН*